

Николай Чергинец: «Я не боялся крутых перемен...»

Большой, обстоятельный разговор с Николаем Чергинцом задумывался давно, но все как-то откладывался. И тому было несколько причин. Во-первых, Николай Иванович уже неоднократно выступал на страницах журнала, как говорится, по делам службы, то есть по сугубо прикладным поводам, будь то работа Общественно-консультативного совета при Администрации Президента Республики Беларусь, Общественного совета по нравственности или же Союза писателей Беларуси. Во-вторых, человек он открытый и о своей судьбе в СМИ рассказывал уже не раз. Потому и вопросы для интервью хотелось найти новые, интересные, чтобы в уже известных биографических фактах отыскать какую-то ранее не замеченную изюминку, неожиданный ракурс. В-третьих, по рабочим вопросам нам приходится сталкиваться постоянно, и за рутинной все как-то не доставало времени поговорить действительно по душам...

И что бы мы делали, если бы не было юбилеев? Ведь юбилей для того и существует, чтобы обратиться к человеку, сказать ему добрые слова, поинтересоваться, что его волнует, рассказать об этом людям. А у Николая Ивановича повод особенно замечательный – 75 лет, три четверти века за плечами. С Днем рождения Вас, дорогой наш писатель, генерал, боец по жизни и человек души необыкновенной. С юбилеем!..

Николай Иванович, насколько Вы человек счастливый, это определять Вам самому, но то, что судьба у Вас удивительная – бесспорно. Известный в стране и за рубежом писатель, матерый опер, боевой генерал, в молодости успешный спортсмен, в зрелые годы один из самых ярких и незаурядных политиков суверенной Беларуси... А Вы кем, прежде всего, себя ощущаете? Кто такой Николай Чергинец?

– Наверное, любой человек должен понимать, что самое большое призвание – это прожить жизнь так, чтобы действительно получить удовлетворение от того, что ты сделал, что оставил на земле. Я имею в виду не только банальное – родить сына, посадить дерево и построить дом, хотя и это важно. Конечно же, хотелось бы, чтобы, как члена общества, люди

не корили тебя тем, будто что-то недоделал, от чего-то ушел в сторону, смалодушничал. Пожалуй, в этом и заключается принцип моей деятельности. Я и сам, поверьте, задавался вопросом о смысле своей жизни...

– И как, получилось? Все задуманное сбылось?

– Не могу сказать, что все в жизни делал на «отлично», безошибочно. В школе учился неважно. Но это были отголоски войны, ведь я родился в 1937-м. А с 1941 по 1944 – оккупация, тяжелые годы. Новому поколению и понять трудно, что тогда мы пережили. Да и последующие несколько лет не было возможности нормально заниматься. Ну, представьте меня – пацан с Комаровки. Вокруг разруха, все голодные, оборванные, безотцовщина. Помню, летом рано утром сидишь, ждешь, пока солнышко пригреет, и припоминаешь, что у того забора вчера приметил траву с пузырьками. Сегодня они должны уже попеть и их можно поесть. До чего доходило!

Я не любил немецкий язык – понятно почему. Честно говоря, недолюбливал, уже без всяких идеологических причин, химию и физику. Но при этом великолепно знал математику. У меня в школе бывали настоящие концерты на уроках: выходя к доске, я предлагал сразу несколько вариантов решения задачи, ставя этим учителей в тупик. Правда, они мне прощали такие выходы – любили.

– Выходит, что Беларусь потеряла в Вашем лице талантливого математика?

– В каком-то смысле. Хотя в школе я не всегда был на высоте, но вот в дальнейшей жизни, говоря педагогическим языком, сделал работу над ошибками. Было очень много соблазнов – район Комаровки с рынком тогда был центром столичной торговой жизни. Ребята часто и меня подбивали пойти по рядам, наворовать чего-нибудь съестного. Но у меня срабатывал какой-то тормоз – ни разу не поддался!

Мой отец вернулся с войны: одной ноги не было, другая была перебита в двух местах.

Он сам строил деревянный дом, прямо там, где сейчас находится Комаровский рынок. Там, мне кажется, и сейчас сохранилось несколько деревьев из нашего сада. Батя днем рубил сруб, а мы с братом (он почти на два года младше) по ночам сторожили – такие были времена. Наша улица называлась Издательская, пыльная такая, почти деревенская.

– Любопытное название улицы для первого адреса будущего писателя. Может быть, это предначертание судьбы?

– Кто его знает. Хотя, согласись, любопытные совпадения были. На углу этой улицы была квартира Яковенко, минского подпольщика, который набирал подпольную «Звезду»...

Но вернусь к своему рассказу. Как-то идем мы с братом, вдруг он заскакивает во двор и хватается за чужой грядки огурцы. И я его там лупил, мне казалось, смертным боем – заставил его огурцы бросить обратно на грядку. Потому что для меня это было законом – нельзя брать чужое. Но и он не растерялся. Вскоро мама возвращалась с рынка. Ей же надо было нашу ораву в семью накормить. Несет молока, что могла подешевле купить. И когда она подошла к воротам, раздался истошный крик брата. Это он специально ждал, пока мать вернется, чтобы мне отомстить. Она на меня набросилась, а мне стыдно было сказать, за что я его отлупил.

– Не секрет, что многие из послевоенного поколения утонули в уголовщине, не справились с теми соблазнами, о которых Вы говорите. Как же Вам удалось выкарабкаться, выбиться в люди?

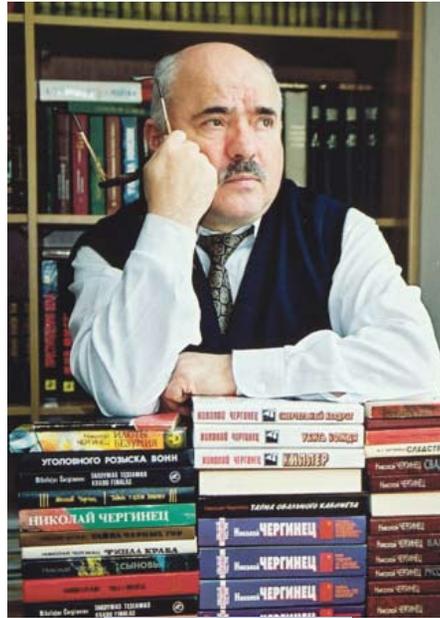
– Меня в полном смысле слова спас футбол. Начинали мы играть нашей улицей. Футбол тогда был невероятно популярен. Увлёкся я этим делом здорово! Играл неплохо, и быстро стал местной знаменитостью. Стоял, в основном, на воротах. Меня взяли в детско-юношескую спортивную школу. Мой младший брат уже там занимался. Помню первого своего тренера Владимира Ивановича Иванова. Одну ногу он потерял

на войне, но навыки у него оставались, и он великолепно тренировал нас, ребятню.

Что такое была для меня эта спортивная школа? Новый мир! Представьте, до того у меня не было новой одежды. Только один раз в школе мать купила бегониевый свитерок. А мы готовились к праздничному параду. Я надел этот свитер и

еще такое дешёвенькое трико. И вот мы построились, чтобы идти на демонстрацию. Мне казалось тогда, что в этом наряде я самый красивый. А учитель говорит: «Коля, что ты надел? Мог бы что-нибудь попримечнее найти!» Я тогда ужасно обиделся, поскольку это была моя первая обновка! И вот в парке Горького, на стадионе «Пищевик», я получил новенькую форму: свитер, перчатки с пупырышками, щитки, ботсы, тапочки, гетры. Сколько было форса! А мне всего-то лет 13–14. У меня была отменная реакция, был прыгучий невероятно, доставал с места до верхней штанги – а это 2 м 44 см. Поэтому во вратарской площадке стоял надёжно. Прошло некоторое время, стали создавать

футбольные школы молодежи: там уже шла серьёзная профессиональная подготовка. Таких школ в Советском Союзе было 16. И меня взяли в эту школу. Я получил первую стипендию – 800 рублей, первые заработан-

Николай Чергинец

НАШЕ ДОСЬЕ

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович.

Родился в 1937 году в Минске. В 1967 году окончил БГУ.

С 1964 года работал в органах внутренних дел. В 1981–1984 годах – начальник Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Республики Беларусь. С 1984 по 1987 год исполнял интернациональный долг в Афганистане. В 1987–1993 годах – начальник управления внутренних дел на транспорте Республики Беларусь. С 1993 по 1997 год – председатель Комитета по социальной защите военнослужащих, ветеранов войны и увековечению памяти погибших при Совете Министров Республики Беларусь. В 1997–2008 годах – председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности. С 1998 по 2008 год – председатель Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по внешней политике. С 2002 года – председатель Беллитфонда. С 2005 года – председатель Союза писателей Беларуси.

Генерал-лейтенант внутренней службы (1993). Кандидат юридических наук (1977), профессор (2000).

паль. Не успел я вернуться, как она появляется. Я отдаю подарок, но смотрю: что-то не то, ведет себя как-то странно, будто уворачивается от меня, глаза отводит. Выходим с ней во двор, и она мне признается, что познакомилась с преподавателем из политехнического института, за которого уже собирается выходить замуж. Я сдержался, хотя переживал страшно, пожелал ей счастья, но на душе было тяжело.

И тут, перед самым сезоном, образуется команда «Локомотив» класса «Б» в Виннице. Команду серьезно поддерживали, особенно первый секретарь обкома Георгий Тарнавский, который потом служил генеральным прокурором в Беларуси. Я подумал, прикинул, и решил переехать в Винницу, где были большие шансы проявить себя.

– Объясните, как работала система. Ведь официально в Советском Союзе профессионального футбола не было. Все клубные команды считались любительскими.

– Да, существовала скрытая форма профессионального футбола. Игрока прикрепляли формально к какому-нибудь заводу, предприятию, а реально он только играл в футбол. В Виннице у нас была хорошая, сыгранная команда. Из того состава Валентин Трояновский попал потом в сборную СССР. А я горжусь тем, что забил первый гол в истории винницкого «Локомотива».

На меня обратили внимание в кишиневской «Молдове», а там команда была уже класса «А», то есть котировалась гораздо выше. Они за мной ездили по всем городам, где у нас были матчи, и уговаривали перейти. Обещали квартиру в цеховском доме, машину «Победа», дачу и прочие блага. Но там, в Виннице, был тренер Жилин, простой такой мужик. И у нас сложились дружеские товарищеские отношения. Он мне постоянно перед матчем говорил: «Коленька, вся надежда на тебя». Я даже представить не мог, как его бросить. Роковую роль сыграла девушка, с которой мы там встречались, звали ее Алла. У нас с ней все было платонически. Но сколько романтики! На лодку сядем кататься по Бугу, а там течение бешеное – не успеешь оглянуться, а тебя уже снесло километров на десять. Не беда! Нас, футболистов местной команды, знали в лицо. Мимо идет

буксир, руку поднимешь: он тебя подцепит и до самого центра Винницы довезет.

И вот однажды играли мы против минского «Спартака». После игры пришла эта Алла и стала уговаривать меня перейти в «Молдову». Это значит, представители той команды решили поработать через нее. А у нас как раз наступил перерыв между играми, когда можно было менять команды. Поехал я в Кишинев осмотреться, а у Аллы оставил свои вещи. И в Кишиневе сразу же нас ждала товарищеская игра со сборной Румынии. Мы выиграли 2:0 – я как раз забил два гола. Затем была игра с болгарской командой. Меня заметили и оценили. А публика так любила, что просто до безумия доходило. Но распорядок был железный. Утром вставал в шесть часов утра, бегал по окрестным виноградникам вокруг дачи команды. Перед обедом хорошая нагрузка, упражнения с мячом. Ни капли спиртного. И я остался там. А к той Алле, которая уговорила меня приехать в Кишинев, уже и не вернулся: даже вещи не забрал. Как-то надломилось во мне что-то после того меркантильного разговора...

Так проходила моя молодость – весело, интересно, задорно. Все, за что я ни брался, старался делать с большим моральным удовлетворением. Может быть, у меня не было улыбки до ушей от счастья, но была внутренняя уверенность, что иду по жизни правильно.

– Николай Иванович, Вы меня завели в тупик! Если все было так гладко, почему же все-таки решили уйти?

– Да, в футболе все получалось. В уходе из футбола сыграло свою роль сразу два фактора...

– Неужели в том числе и женщина?

– Не без этого. Об этом я сейчас не хочу вспоминать. Но было и другое. Я уже играл за минский СКА. Мы уверенно шли вперед, претендовали на первое место. Но кому-то наверху это не нравилось, и нас «приспустили». А я таких вещей никогда не терпел, потому решил – ухожу из футбола. Хотя уйти было очень сложно. Футбольных игроков ценили. Мы были на контроле у самого высшего партийного руководства. Меня вызывали в ЦК КПБ, и беседу вел не кто-нибудь, а сам первый секретарь, хозяин республики

Кирилл Трофимович Мазуров, уговаривал продолжить спортивную карьеру, если не в Минске, то в Гомеле, где тогда создавали команду.

– Так это оттуда у Вас пошло увлечение политикой?

– Вряд ли. Помню, когда попал в здание Центрального Комитета на улице Карла Маркса, 38, то подумал, что ни за что не пошел бы работать секретарем ЦК. Мне эта работа казалась скучной, нединамичной. Не послушался я и уговоров высоких партийных начальников – ушел из футбола на завод имени В.И. Ленина регулировщиком оборудования. Как сейчас помню свой секретный цех 7-1. Работал честно, с отдачей. Да и работа была более чем ответственная – регулирование аппаратуры, предназначенной для атомных подводных лодок, самолетов. Работа тончайшая, а я без специального инженерно-технического образования, но мне при этом доверяли, потому что добросовестно относился к делу. И мою продукцию принимали сразу же, без дополнительной проверки.

– Судя по всему, Вам нравилось на заводе. Да и платили, насколько я понимаю, там неплохо. Как же очутились в органах внутренних дел? Ведь в начале 1960-х годов пойти служить в милицию было делом далеко не самым престижным, да и хлопотным.

– Все верно. И образования соответствующего не было. К тому времени я заочно учился на отделении журналистики в БГУ. А до этого с отличием окончил Высшую школу тренеров в Минске. На журфаке мне нравилось. Обучали там хорошо. Среди прочего я освоил стенографию, что потом здорово пригодилось в жизни. На заводе никогда не отказывался от общественной нагрузки, даже сам вызывался. Стал комиссаром комсомольского оперативного отряда Советского района. Это было мое первое партийное поручение. Мы создали лучший оперативный отряд в Советском Союзе. О нас даже сняли фильм, а по тем временам это многое значило. Ребята были очень толковые: студенты политехнического и радиотехнического институтов. Мы изымали ножи, кастеты, свинчатки, даже огнестрельное оружие, задерживали опасных преступников. Район ответственности у нас был очень беспокойный – парк Челюскин-

цев и сельхозпоселок. И вот меня вызвали в райком партии и говорят: «Николай Иванович, есть постановление пополнять ряды милиции представителями трудовых коллективов. Пойдете в милицию?» Я, не колеблясь, ответил, что пойду, но только в уголовный розыск.

И начались мои милицейские будни. Как и условились, службу начал в уголовном розыске оперуполномоченным. Перевелся с журфака на юридический, досдал экзаме-

Н. Чергинiec (крайний справа) среди коллег на служебном совещании

ны, получил диплом. Забегая вперед, скажу, что на этом не остановился, защитив потом кандидатскую диссертацию по юриспруденции. И не знаю, добился ли бы значительных успехов на милицейском поприще, если бы не искреннее товарищеское отношение. Соседом моим по кабинету был старший оперуполномоченный Камышев. Отличный парень! Вот это был образец настоящего наставничества, который я и сейчас привожу в пример нынешнему поколению милиционеров. Его товарищеская помощь была бесценной. В результате стал лучшим опером сначала района, потом города, республики, однажды даже Советского Союза. Немного похвастаюсь, но есть чем – мне присваивали три раза очередное звание досрочно. Это уникальный случай!

– Николай Иванович, в продолжение разговора о вашей молодости не могу не задать и такой вопрос. Вы родились в 1937-м...

– Да, как пел Высоцкий: «В те времена укромные, теперь почти былинные...»

– Именно с ними и связан вопрос. Вы родились в сталинскую эпоху. Ка-

ково Ваше отношение к Иосифу Виссарионовичу?

– Нужно понимать, что та информация, которая окружала нас до смерти Сталина в 1953 году, была односторонней – там не было никакого негатива о личности вождя. Я отлично помню день 5 марта, когда Сталин умер. В память врезались слезы наших учителей. Софья Борисовна, преподавательница арифметики, буквально билась о доску от горя. Мы тоже ходили со слезами – а как же? Ведь мы тогда знали, что есть великий светоч – Сталин. Люди буквально молились на него. И вдруг его не стало. Мне тогда уже шел 16-й год, и скажи мне кто-то в тот момент: «Коля, иди и отдай за Сталина жизнь», то, уверяю вас, отдал бы, не задумываясь. Так мы были воспитаны.

– Это первое юношеское, даже детское восприятие. А затем, когда стало появляться больше информации, отношение изменилось?

– Конечно, но трезво, без истерик и побивания камнями. Да, были репрессии, нарушения законности, сломанные судьбы. Но ведь подобные периоды, события имели место и в других странах. Однако почему-то наше общество отличается тем, что бросается из крайности в крайность. Безусловно, невинных людей нужно было реабилитировать. Но мы уже начинаем свою историю выворачивать наизнанку.

– И все же. Когда Вы были ребенком, подростком, неужели не просачивалось никаких сведений о репрессиях, о том, что кого-то забрали, осудили не за то и не так?

– И близко не было! Мы жили другими мыслями, интересами. Какие репрессии? Голод был, прокормиться хотя бы – вот что волновало. И не присутствовало такого ощущения, что у нас в стране существовала какая-то тирания, мрачные времена. Вот ведь поразительно: были голодные, но бегали счастливые, радостные. И не только мы, дети (это понятно), но и взрослые – пережили войну, остались живы, создавали семьи, строили дома, искали пропитание, одежду, трудились на благо своей Родины. Вот эти заботы занимали

тогда людей. Был, конечно, бандитизм, выросший на послевоенной разрухе, но между людьми при этом не ощущалось бытовой агрессивности, которую, кстати, часто можно наблюдать сейчас. Не было озлобленности, даже какая-то наивность была. А если и становилось известно, что кого-то там посадили, то общее мнение было такое: значит за дело.

Мы верили нашей власти.

– Ощущаете ли Вы себя советским человеком?

– А как же! Столько лет прожито в той нашей общей стране. Но я горжусь тем, что я советский человек! Чтобы понять, что это значило и значит для нас, людей моего поколения, приведу такой пример. Я уже упоминал, что в середине 50-х годов, когда играл за минский «Спартак», наша команда выехала в турне по Китаю и Северной Корее. Поездка была очень интересная. Помню, в Китае к нам в раздевалку зашли Хо Ши Мин, лидер коммунистического Вьетнама, и Лю Шаоци, ближайший сподвижник Мао Цзэдуна. Хо Ши Мин приглашал нас во Вьетнам, но тогда не суждено было попасть – попросту устали от длительной поездки.

Наша команда была первой советской спортивной делегацией, посетившей КНДР. Мы летели на первом советском реактивном самолете Ту-104. Такого чуда корейцы еще не видели! А что тогда представляла собой Северная Корея? После страшной войны – вокруг грязь, нищета, разруха. Но советских людей корейцы буквально боготворили. Мы прилетели в Пхеньян после тяжелой посадки в Новосибирске, где чуть не разбились – самолет был совсем новый, не обкатанный. Часа три кружили над корейской столицей, чтобы выработать топливо. Аэродром был небольшой, военный, рассчитанный не на большие лайнеры, а на наши юркие истребители МиГ-15.

И вот представьте. Мы, молодые ребята, прилетаем в незнакомую страну, и нас, без всякого преувеличения, несут на руках, прямо от трапа самолета... Мы тренировались на стадионе у подножия знаменитой горы Моранбон. Корейцы подходили к нам при любом удобном случае, чтобы только по-

Н. Чергинец – начальник отдела уголовного розыска Советского РОВД г. Минска

смотреть, постоять рядом. Мы много ездили по разным корейским городам, были в зоне демаркационной линии между двумя Кореями. Очень запомнился прием по поводу годовщины Октябрьской революции в Трудовой партии Кореи. Пхеньян был тогда совсем темным, полуразрушенным: в столице можно было насчитать всего несколько приличных зданий, в том числе и гостиница, где мы жили. И вот собрали нас в концертном зале такого полубарачного типа. Сцена – вся в красном. Вдруг гаснет свет, лучи устремлены в одну точку на сцене, раздвигаются занавеси из красного бархата и оттуда как бы в лучах восходящего солнца появляется Ким Ир Сен. Потом был прием, на котором он с нами общался. После этого приема решил я пройтись по городу и заблудился. А вокруг темень, пустынно, никто не ходит. Навстречу трое мужчин. Я к ним обратился. Когда они слышали русскую речь, то тут же взяли меня проводить до гостиницы, до которой, как оказалось, было километра четыре. В результате по дороге собралось еще человек тридцать. Такая была любовь к советскому народу.

– Вы уже и тогда все так живо примечали. Сразу видно журналистскую, даже писательскую хватку. А когда же у Вас появился этот зуд, известный любому пишущему человеку? Как проявилось желание поделиться своим восприятием мира с другими?

– Да тогда же – когда играл в футбол. О нас много писали в газетах. Футболисты и журналисты шли по жизни очень близко. Постепенно я и сам проникся уважением и любовью к журналистскому труду. Еще голая мяч по полю, мечтал стать спортивным журналистом. Начал писать заметки в газеты. А это были известные, солидные и авторитетные издания, скажем, та же «Советская Белоруссия». Потом уже, когда работал в милиции, мои статьи стала брать и газета «Правда». Причем статьи были острые, критические, зубастые. Работая в Советском райотделе милиции, я позволял себе такие вещи писать, что сам сейчас удивляюсь, как их пропускали. Скажем, была такая статья «Аноним под микроскопом» – о секретаре парткома, который «баловался» написанием анонимок. И меня вызывали к секретарию обкома, прорабатывали, зачем я выношу сор

из избы. Но со мной считались. А в «Правде» к корреспонденции, которую я присылал, относились особенно внимательно.

У меня были друзья-писатели, издатели, мы с ними часто встречались, в преферанс играли. И они стали мне советовать, что стоит подумать о том, чтобы написать что-нибудь большое, художественное. Я стал задумываться над этим, прикидывать сюжет. В ту пору я уже работал заместителем начальника Первомайского райотдела милиции столицы. А у нас расследовалось дело по убийству женщины с сожжением трупа, там было много хитросплетений. Вот я и взял это дело за основу, добавил фантазии: в ней у меня недостатка не было, и написал повесть «Четвертый след». Знакомый журналист Эдгар Найденов согласился помочь с литературной обработкой, вычитать. Но оказалось, что только в двух местах поменял слова. После этого я понес три исписанные общие тетради со своим произведением в издательство «Беларусь».

Ко мне отнеслись по-доброму в этом издательстве. Как оказалось, не случайно. Редакторы отдела художественной литературы, пожилые мужчины, сразу меня узнали, поскольку были болельщиками и помнили по футболу. Рукопись приняли и сказали, чтобы я перезвонил через недельку. Перезвонил, они меня пригласили зайти. Я подумал: «Ну, точно откажут, просто не хотят обижать по телефону». И без всякой надежды пошел в издательство. А там начинают хвалить: «Знаешь, а неплохо получается. Только у нас есть несколько замечаний. Вот здесь, на странице такой-то, ты пишешь, что у девушки были голубые глаза, а уже через несколько страниц, что она черноглазая». И так меня погоняли! Вот это был образец доброжелательной критики, за которую я и бьюсь сейчас в нашей литературе. Я вышел из издательства окрыленный! Уже на следующий день принес рукопись с исправлениями – за ночь все переделал. И вот первая книга вышла. Помню, иду по проспекту, куплю свою книгу, а книги тогда продавались на лотках, листаю. Хотелось сразу несколько взять, но думаешь, что неудобно, боишься привлечь внимание. Кажется, что все на тебя смотрят. Вот такие чувства у начинающего литератора...

Беседовал Вадим ГИГИН

Продолжение следует ■